М.Э. ЕЛЮТИНА, Е.И. УФИМЦЕВА

ПРАКТИКИ РЕЛИГИОЗНОГО УЧАСТИЯ ПОЖИЛЫХ В КОНТЕКСТЕ ПРОЕКТА ПОЗИТИВНОГО СТАРЕНИЯ

ЕЛЮТИНА Марина Эдуардовна – доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии социальной работы (elutina133@mail.ru); УФИМЦЕВА Екатерина Игоревна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии социальной работы (ufim75@mail.ru). Обе – Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия.

Аннотация. *Практики религиозного участия пожилых людей анализируются в статье как один из возможных контекстов позитивного проживания старости. Показано, что формирование проекта позитивной старости, адекватного вызовам времени, базируется на анализе разнообразного и инклюзивного опыта, не ограничивающегося представлениями, которые сводятся только к здоровью, богатству и комфортному досугу. Интересен и полезен для конструирования проекта позитивной старости опыт различных социальных групп населения. В данной статье мы объединяем старение и опыт религиозного участия, анализ которых осуществлялся в ходе глубинных интервью в рамках полевого исследования процесса обращения в православие. На материалах интервью с пожилыми прихожанами Русской православной церкви показано, как функционирует габитус (когнитивные, эмоциональные, мотивирующие структуры) пожилых людей, обращенных в православие, в поле различных видов религиозного участия, воспроизводя и меняя ценности, идентичности, внутренние переживания на геронтологическом этапе жизненного пути. Анализ глубинных интервью с религиозно обращенными людьми позволил идентифицировать виды религиозного участия пожилых прихожан, показать положительный эффект от религиозной вовлеченности на поддержание доверия, активности, на «капитализацию надежды» на лучший исход в сложных жизненных ситуациях в позднем возрасте. Исследование выявило, что религиозное участие выступает и способом самопомощи, помогает справляться с жизненными трудностями и решать практические проблемы.*

Ключевые слова: *позитивная старость • виды религиозного участия • обращение в православие • религиозные установки • практики профессиональной мобильности в религиозной среде*

DOI: 10.31857/S0132162524050084

Введение. В современной социологии проблематизируются проекты позитивной старости, в которых старость обретает «наличную» модальность, «становится заметной и замеченной и воспринимается одновременно и как объект еще не оконченного познания и понимания, и как призыв к действию» [Бауман, Донскис, 2019: 162]. Мы уже анализировали разные проекты позитивной старости: мудрая старость, когда человек пользуется накопленными знаниями; здоровая, необремененная болезнями жизнь с различного рода рекомендациями по организации повседневной жизни пожилого человека; аскетичная старость, когда человек, отрешившись от земных интересов, забот, соблазнов, приближается к Богу; «старость как окружение», причем под окружением понимаются не только люди (родственники, соседи, сообщества), но и растения, животные, вещи; саморефлексирующая старость, указывающая на такую характерную особенность мироощущения в этом возрасте, как особое благоговение перед бытием, отличное от обычного так называемого жизнелюбия и от чисто позитивистского принятия «данного» как такового; успешная старость с достойным уровнем и качеством жизни; активная старость,

включающая разнообразные формы активности: физическую, трудовую, творческую; «сделанная старость» с акцентом на телесный ремонт с помощью косметологических средств, пластической хирургии, трансплантации органов; «безбарьерная», технически оснащенная, предполагающая переадресацию функций, в том числе и базовых, техническим устройствам (аутсорсинг); компетентная старость, фиксирующая основные ее референции: ценность, духовность, жизненный профессионализм [Елютина, 2023].

В рамках зарубежной традиции накоплен опыт анализа позитивной старости в контексте благополучной жизни, разрабатываются методики и индикаторы благополучия в пожилом возрасте, в фокус внимания попадают и те организации, которые реализуют коммерческие возможности в позитивной старости, к примеру, с позиции маркетизации досуга, а также с точки зрения потребительских возможностей пожилых людей и их стилевых предпочтений [Bulow, Soderqvist, 2014; Edmondson, 2015; Wahl, 2020]. В отечественном социологическом дискурсе акцент сделан на синтезирование проблем активного долголетия как политической инициативы для пожилых людей с целью снижения экономической и социальной нагрузки [Видясова, Григорьева, 2023; Евсеева, 2020; Елютина, 2017; Парфенова, Галкин, 2023; Рождественская и др., 2023]. На данном этапе преобладает дискурс поощрения самих пожилых людей в направлении проявления активности в разных сферах деятельности. Однако ясно и то, что предоставление пожилым людям возможности стареть здоровыми и активными неразрывно связано с социальными процессами и инновациями, их обеспечивающими. Иначе говоря, осознание и высвобождение потенциала пожилых людей можно рассматривать только в связи с обсуждением условий их жизни как представителей гетерогенной социальной группы, технологий помощи и поддержки пожилых людей, попавших в трудную жизненную ситуацию, тех социальных структур, которые конструируют старость. Поэтому более целостный подход к политике активного долголетия предполагает и такие направления, как занятость, социальное участие, развитие различных форм заботы о пожилых людях и различных форм заботы с их стороны, способами, которые им подходят. В условиях институциональных дефицитов среды представляется важным анализ опыта старения в разных социальных средах, ожидания и стремления пожилых людей, которые они пытаются реализовать, в том числе в контексте активной религиозной жизни.

Смысловые возможности позитивного старения. Понятие позитивного старения является многоаспектным, многосоставным, связанным с экзистенциальной зоной повседневной жизни пожилого человека. Социальная категоризация позитивного старения предполагает приписывание определенных атрибутов, формирование норм и правил поведения, необходимости/желательности определенных социальных практик.

Понятие позитивной старости относится к реляционным понятиям: может означать разные вещи для разных людей в разных условиях, но, по сути, оно фиксирует позитивный прогноз в отношении данного возрастного этапа и смещает исследовательскую оптику от восприятия старости как «профиля риска» на анализ возможностей, которые она предоставляет, на поиск тех социальных практик, которые могли бы нивелировать эти риски. Неоднородность и противоречивость самого процесса старения приводит к тому, что старение структурируется комбинацией разных показателей. В качестве структурных компонентов в различных исследованиях позитивного старения используются разные составляющие: здоровье, благополучие, социальная активность, позитивная духовность, телесный опыт и участие в искусстве. Оставляя дебаты по поводу определения позитивного старения, которое выходит за рамки данной статьи, отметим наличие двух основных смысловых комплексов, постоянно воспроизводимых от контекста к контексту: терминологической составляющей, которая фиксируется при рефлексии и определении себя или других в терминах удовлетворенности своей жизнью, и поведенческая составляющая, связанная с социальной динамикой, в результате которой происходит включение и исключение из социальных групп. В своем исследовании мы используем в качестве базового индикатора позитивной старости социальное функционирование, включающее

показатели одиночества, социальной активности, эмоциональной и инструментальной поддержки, оказываемой другим, эмоциональный режим.

Важным направлением в контексте позитивного старения является исследование влияния религиозного участия на просоциальную деятельность в позднем возрасте. В этом вопросе нет однозначного мнения. Сторонники позитивного влияния религиозного участия приводят следующие аргументы: оно положительно коррелирует с благотворительной деятельностью, волонтерством; в повседневной жизни верующим чаще доверяют, чем неверующим [Edgell et al., 2006: 211–234]. Другие ученые убеждены в противоположенном эффекте, указывают на то, что религиозное участие снижает доверие и просоциальное поведение, инициирует внутригрупповой фаворитизм, когда помощь и доверие оказываются в большей степени единоверцам, что препятствует более широкой сплоченности и солидарности с членами других социальных групп [Galen, 2012: 876–906]. В российском контексте вопрос о том, каким образом религиозное участие влияет на повседневную жизнь пожилого человека, остается в слепом пятне научного интереса. Анализ опыта религиозного участия внесет свой вклад в формирование более инклюзивной концепции позитивного старения.

В рамках данной статьи мы попытаемся ответить на два вопроса: каковы основные направления религиозной вовлеченности; каким образом религиозное участие пожилых прихожан влияет на их повседневную жизнь, на их подход к жизненным проблемам.

Метод и эмпирическая база. В период с января 2020 по октябрь 2023 г. (длительность обусловлена сложностью исследования этой социальной группы, наличием латентных особенностей религиозной жизни) в г. Саратове была проведена серия глубинных интервью с прихожанами¹, мужчинами и женщинами старше 60 лет ($N = 23$). Привлекались информанты с различным социально-экономическим бэкграундом, образованием и трудовыми траекториями. Рекрутинг информантов осуществлялся за счет: 1) личных контактов исследователей; 2) через приходских священников и работников храмов. Количество респондентов обусловлено насыщением кодировочных категорий (интервью с новыми респондентами не дают исследователям нового понимания для раскрытия темы). Выбор места проведения интервью определялся с учетом личных предпочтений респондентов: либо на территории православного храма, территориально доступного для респондента, либо в домашних условиях – по месту проживания респондента. Средняя продолжительность интервью составила 40–45 минут. В качестве методологии исследования были использованы принципы интерпретативной социологии.

Интервью с респондентами проводились на основе гайда, который включал в себя три основных блока: 1) социальный бэкграунд информанта (возраст, пол, семейное положение); 2) виды религиозного участия; 3) оценка пожилыми прихожанами влияния религиозного участия на различные стороны жизни и эмоциональное состояние.

Виды религиозного участия и их проекции на повседневную жизнь пожилых прихожан. По результатам нашего исследования, религиозное участие пожилых прихожан реализуется в двух направлениях: усвоение смысловых религиозных структур (чтение православной литературы, собеседования с религиозными экспертами, церковные таинства и молитвы) и вовлеченность в солидаризирующие практики: практики помощи и поддержки в трудной жизненной ситуации; благотворительные практики (оказание хозяйственной помощи церковному приходу, социальная помощь отдельным верующим, практики церковного социального служения); практики профессиональной мобильности

¹ В данном случае прихожане – люди, обращенные в православие. Обращение в православие, по нашему мнению, представляет собой структурно обусловленный процесс рациональной православной самоидентификации, реализуемый через освоение разнообразных практик РПЦ и включающий следующие содержательные моменты: интернализацию религиозных ценностей, норм поведения, освоение православной риторики, интеграцию личности в систему социальных отношений и социальных связей местной православной организации (православного прихода, приходской общины), обретение религиозного статуса [Уфимцева, 2022].

в церковной среде, связанные с переходом из светской сферы трудовой занятости в церковную с сохранением основного вида профессиональной деятельности либо предполагающие освоение новых видов деятельности; практики формирования церковного комьюнити, которые представляют собой создание неформального союза с одним или более православными верующими с целью совместного и эффективного осуществления религиозной деятельности.

С социологической точки зрения важно ответить на вопрос, как сами обращенные в православие люди объясняют себе и другим свое религиозное участие и его влияние на повседневную жизнь на данном возрастном этапе.

Как отметили информанты, в процессе усвоения религиозных смыслов произошла значительная трансформация их картины мира, смысложизненных и ценностных ориентаций, норм поведения, сформированных в течение жизни. *«Отношение к жизни изменилось. Смысл человека в спасении, единственное, больше нет никаких смыслов. Не может быть иной цели жизни, не может быть иного смысла жизни»* (м., 1941 г.р.).

Религиозные убеждения православного содержания, став смысловым ядром личной картины мира, не заменили собой смыслы повседневной реальности, но дополнили их, включив в интерпретационную схему религиозный, сверхъестественный уровень. Информанты указали, что обретение ими религиозной веры в Бога, убежденности в объективности его личности, признание его участия в своей жизни и в жизни других людей, положительная оценка этого участия и доверие ему, осознание необходимости взаимодействия с Богом и другие смыслы православного символического универсума стали основанием переосмысления своих прошлых жизненных ошибок, неудач, поступков. Так, по мнению информанта, ошибочно интерпретировать трагические обстоятельства в жизни человека проявлением божественного наказания, снимая с себя ответственность за неверно сделанный нравственный или жизненный выбор. *«Бог не противится нашей воле. Он никогда не отнимет от нас нашу волю. Он дает ориентиры, Он дает всё. Он даже позволяет людям некоторым ненавидеть Его, идти против Него. Он никогда здесь никого не накажет, как иногда говорят. Много же разных высказываний есть. Понимаешь? «Бог тебя накажет этим. Вот у тебя не будет детей, вот у тебя то, у тебя сё». Да, никогда Он этого не сделает! Мы своей жизнью себя к этому приведем! Мы себя накажем!»* (м., 1941 г.).

Информанты неоднократно обращались к воспоминаниям своих жизненных поступков, которые они реинтерпретировали как «греховные». *«Вспоминаешь сейчас и думаешь: “Господи! Куда же это я попала, вот тогда вот? Ну что же это я натворила! Мне, получается, стыдно”. Так, перед Господом Богом, вот стоишь и думаешь: “Ой, Господи, ну я ведь такая дрянь! Ну, я ведь столько наделала, Господи! Ну, прости меня грешную!”*» (ж., 1949 г.р.).

Наиболее часто упоминаемой в нарративах практикой, в отношении которой осуществлялась нравственная переоценка, оказалась практика аборта: *«Какие-то грехи я свои поняла. Мы не знали, что аборт делать нельзя, что это грех»* (ж., 1936 г.р.). *«Если бы я не согрешила, то у меня бы было четверо детей. И все бы были такие талантливые, как Петя, такие умные. И сколько бы они сделали на этом свете! И мне за это – грех»* (ж., 1948 г.р.).

Признание своей ответственности за прошлые жизненные ошибки и проступки имеет положительное значение. Во-первых, неся на себе долгие годы психологический груз вины за содеянное, пожилые прихожане смогли принести за него внутреннее и церковное покаяние, получив душевное облегчение. Во-вторых, они реинтерпретировали эти трагические обстоятельства в контексте принятия религиозной идеи о божественном милосердии к ошибающемуся человеку вообще и к ошибкам в частности. Информантка интерпретировала факт сохранения собственной жизни после неудачно совершенного аборта как подтверждение божественного милосердия к ней. *«Я делала последний аборт, и мне проткнули матку, и кровотечение. Но Господь берег меня. Щедрот столько мне давал Господь!»* (ж., 1939 г.р.).

Информанты называли опасные ситуации, случившиеся с ними (чудесное спасение при неудачном прыжке из электрички, экстренная операция в результате внематочной

беременности, падение с подмостков при реставрации храма) и их благополучные разрешения, исходя из значений и смыслов сверхъестественной реальности. «Опять, кто меня спас? Значит, суждено мне было дожить до этих лет. Господь берег меня, я все-таки думаю, чтобы я пришла в храм, лишнюю душу взять к Себе, наверное» (ж., 1951 г.р.).

Примечательно, что у информантов лейтмотивом звучало признание самоценности человеческой жизни вне зависимости от успешности/неуспешности, правильности/ошибочности частных поступков и поведения. Жизнь воспринимается как божественный дар, как чудо, даже если ей сопутствуют неудачи, болезни. «У меня тяжело болеет дочь, но это не повод для уныния. Мы вместе, и это важно, мне помогают, даст Бог, справимся» (ж., 1941 г.р.).

Травматические биографические ситуации прошлого либо перестали рассматриваться как негативные, разрушительные и обрели позитивный смысл, положительную оценку, либо в отношении них уменьшилась степень негативных эмоциональных переживаний. Основным итогом этих изменений, как и в случае с переоценкой собственных жизненных ошибок, стало обретение душевного мира, внутреннего принятия обстоятельств своей жизни.

Православные пожилые отметили факт формирования толерантного отношения к несовершенствам мира, людям, а с ним – избавление от постоянного недовольства, раздражения, гнева. «Терпимее, что ли, становишься к людям. Хоть и есть грех осуждения. Вот такой грех осуждения он присутствует, никак его не стереть, но, собственно говоря, вот терпимее к людям становишься» (ж., 1949 г.р.).

Такое отношение помогает минимизировать как внутреннее состояние конфликтности, так и возможность реализации этой конфликтности в отношениях с окружающими. Усвоение религиозных постулатов имеет значение психологических протекторов, позволяющих преодолевать негативные эмоциональные переживания, состояния. В качестве одного из болезненных и значимых переживаний в пожилом возрасте информанты назвали переживание страха смерти. «И вот этот уход навечно и бесконечно – это у меня главный страх Божий. Ну, грешу я бесконечно, Господи! Может быть, Господь простит. Надежда просто на Его милосердие бесконечное» (ж., 1941 г.р.).

В этом нарративе религиозно интерпретируется смерть как событие, за которым следует другое состояние жизни. Страшит не столько сам факт смерти, который неизбежен, сколько «посмертная участь души». Религиозные установки в данном случае формируют особый профиль личной танатофобии, вектор которой смещается с идеи конечности человеческой жизни на идею качества «загробной жизни». В свою очередь, качество «загробной жизни» в контексте религиозной установки, с одной стороны, определяется информанткой как закономерный результат ее настоящего нравственного поведения, а с другой стороны, как возможность реализации «божественного милосердия». Религиозная установка помогает психологически справиться с ожиданием смерти, так как содержит возможность реинтерпретации феномена смерти как события продолжения жизни в другом качестве.

Другое кризисное переживание, которое информанты преодолевают с помощью религиозных установок, имеет отношение к переживанию тревоги за своих умерших родственников, близких людей. Насколько образы умерших родственников сохраняют свое значение в психической реальности респондентов, настолько для них является важным обретение эмоционально позитивного отношения к этим образам. «Сына я покрестила. Я рада, что сын крещеный, что я могу за него нормально молиться. И вот мужа тоже, я очень рада, что я их покрестила» (ж., 1938 г.р.).

Религиозные установки помогают справиться с тревогой за жизнь и здоровье своих живых родных и близких. «Каждый день я молитвы о детях читаю. Я знаю, что если я о детях прочитаю, то они весь день пробудут и живыми вернутся – это меня успокаивает» (ж., 1948 г.р.).

Информанты указали на то, что благодаря молитве они преодолевают не только состояние тревоги, но и состояния печали, уныния. Референтной точкой такого сценария, по мнению нашей информантки, становится чтение Псалтыря: «когда мне грустно,

что-нибудь тяжелое на душе, я знаю, что нужно сделать, надо встать и помолиться. “Псалтырь” почитать, 26, 50, 90 псалмы, и у тебя настроение сразу будет просто прекрасное» (ж., 1949 г.р.).

Одна из пожилых прихожанок вспоминает, что она сильно переживала факт отъезда своей внучки с матерью за границу для постоянного проживания. Преодолеть тяжелое душевное состояние помогла молитва к Пресвятой Богородице – стоя у иконы Пресвятой Богородице, она плакала и молилась ей, и через какое-то время совершенно успокоилась. Кардинальное изменение эмоционального состояния, как и скоро последующее возвращение внучки из-за границы, она оценила исключительно в контексте смысла религиозного участия: «и вдруг тут такие живые глаза у нее (у Богородицы), и такой пристальный взгляд, как будто на фотоаппарате сфотографировали. Как будто она приблизилась ко мне, и как будто говорит: “Успокойся, приедет твоя внучка. Будешь причащать свою внучку. Исполню я твое желание”. Мои слезы прекратились, и тут моя внучка вскоре вернулась» (ж., 1948 г.р.).

В нарративах пожилых прихожан встречалось указание на то, что обретенные религиозные установки помогают им преодолеть личные травматические переживания, трудности, в том числе связанные с нездоровьем в пожилом возрасте. «Я даже в повседневной молитве прошу: “Господи, Всемогущий Бог, Наш Отец! Я благодарю Бога за то, что Он помогает мне преодолевать те боли, те невзгоды, которые причиняет мне болезнь, а у меня их сорок семь”» (ж., 1926 г.р.).

По мнению пожилых прихожан, во всех сферах жизни, во всех обстоятельствах и отношениях присутствует духовная составляющая, изменилась система ценностей, социальные и материальные ценности ушли на второй план, уступив место религиозно-нравственным. «Я поняла, что Господь хочет от нас. Любви Он хочет. Молитва, службы, правила, посты. Он хочет помочь нам стяжать любовь. Потому что любовь – это Бог, а Бог – это любовь. Любовь, сострадание могут не хуже армий стать способом борьбы с несправедливостью, стяжательством, сделать жизнь счастливее, успокоить старость» (ж., 1948 г.р.).

Религиозно-нравственные ценности и жизненные цели переформатировали жизненные проекты, открыли новые горизонты и возможности личной самоактуализации в пожилом возрасте.

Как показали результаты нашего исследования, солидаризирующие религиозные практики, как правило, четко организованы и скоординированы. По сути, они представляют собой комплекс групповой активности, состоящей из отдельных индивидуальных действий. Общим моментом участия в данных практиках стало расширение социальных связей пожилых прихожан, в том числе за счет интеграции в систему социальных отношений церковных приходов, их включение в эмоционально нагруженные социальные взаимодействия. Став членами конкретных православных приходских общин, включившись в их богослужебную и внебогослужебную деятельность, пожилые прихожане обрели личные контакты со священнослужителями, прихожанами, работниками приходских храмов. Часть пожилых прихожан, меняя церковный приход в процессе обращения в силу различных обстоятельств (ухудшения состояния здоровья, открытия храма, более близкого к месту проживания респондента, конфликтных ситуаций, перевода священника – духовного отца в другой храм), обрели обширные сети церковных контактов. Другие – ограничили свое взаимодействие одним церковным приходом. Во всех случаях расширение социальных контактов в церковной среде было многоуровневым и многоаспектным: разнополовым, разновозрастным, разнофункциональным. Особую значимость имело расширение социальных связей одиноких пожилых людей, не имеющих собственной семьи, детей: «так получилось, что я по жизни одна. В старости это особенно ощущается. Были родственники, но их уже нет. Было ощущение, что, если ты старый, ты никому не нужен, не интересен, твой опыт устарел и тебе пора на мусорку. Но я-то понимаю, что не бесполезна, могу еще работать. Я считаю, что мне повезло, стала заниматься благотворительностью, а совместная деятельность сближает. Для меня наступил как бы новый этап в жизни.

Я познакомилась с интересными и добрыми людьми, причем, разного возраста, и с молодыми, и с пожилыми, с некоторыми из них подружилась. Теперь я не одна, сама помогаю по возможности и знаю, что забота и поддержка всегда рядом» (ж., 1952 г.р.).

В процессе участия в солидаризирующих практиках, как отметили пожилые прихожане, формируются дружеские отношения с разными людьми – участниками епархиального Православного общества милосердия, с редакторами епархиальных газет, с участниками православной волонтерской службы, с настоятелями православных храмов, их семьями. Одна из информанток, услышав от первого настоятеля своего приходского храма нравственное наставление о том, что православные верующие – одна семья, сделала это священническое послание своим жизненным ориентиром: «мы одна семья, батюшка – наш отец, поэтому мы друг о друге все должны знать, кому нужно принести продукты, лекарства, помочь по хозяйству, посидеть, почитать, мы – одна семья» (ж., 1950 г.р.).

Пожилый прихожанин объяснил, как поддержка и солидарность сообщества важны для преодоления трудностей в повседневной жизни: «разбирались с соседом по поводу границ участков земли. Я был выбит из колеи, очень переживал. Я никак не ожидал таких действий от соседа, которого знаю много лет. И тут я услышал, что все будут за меня молиться, кто-то предложил помощь, кто-то просто подбодрил меня. И мне это придало силы, я выиграл дело и очень прихожанам благодарен за поддержку» (м., 1950 г.р.).

Поддерживающая среда, отношения со священниками, их семьями, с православными верующими, обретенные в процессе реализации различного рода солидаризирующих практик, восполняют, по мнению пожилых прихожан, не просто недостающую семью, но расширенную многопоколенную семью, ресурсы которой не всегда доступны семейным людям. Благодаря образованным социальным связям, они смогли реализовать свои потребности в личном и социальном признании, в заботе, внимании, психологической поддержке. Для имеющих свои семьи религиозное участие обоих супругов способствовало налаживанию коммуникаций между ними. «Ну, мы говорили, и обсуждали, и советовались, и поправляли друг друга, иногда ругались, спорили. Она (жена) не во всем со мной согласна и до сих пор. Я не совсем с ней согласен. Она слишком, чрезмерно уповает, скажем, так, на волю Божию и на помощь. А наша свободная воля? Конечно, по-разному, но это очень хорошо. Расхождения обязательно будут. Но главное – движение в одну сторону, взаимопонимание и очень часто взаимопомощь» (м., 1941 г.р.). Значимым моментом оказалась коммуникативная составляющая взаимодействий в рамках участия в солидаризирующих практиках: «мы общаемся на равных, с уважением друг к другу. Вот моя дочь, да и зять, относятся ко мне, как к большому ребенку, от которого мало толка, у которого нет нужных знаний и его надо постоянно контролировать» (м., 1947 г.р.).

Ряд современных авторов обратили внимание на инфантилизацию пожилых людей как на распространенное явление в сфере семейного взаимодействия и во внесемейной коммуникации, суть которого заключатся в представлениях о пожилых как о некомпетентных и беспомощных, реализующихся в способе коммуникации с пожилым человеком как с ребенком в виде неоправданно покровительственной позиции. Такая коммуникативная стратегия нередко воспринимается пожилыми как ущемление их прав, как форма дискриминации [Микляева, 2018]. Еще одним солидаризирующим позитивным эффектом, по мнению прихожан пожилого возраста, стало освоение ими новых видов деятельности. Участие во внебогослужебной жизни церковной общины открыло им в пожилом возрасте возможность освоения новых видов хозяйственной, социальной, общественной деятельности. «Так получилось, что после выхода на пенсию, я стала петь в церковном хоре. Я специально пению не училась, вот уже 15 лет пою» (ж., 1937 г.р.). Другая информантка указала, что ей пришлось организовывать приходскую бухгалтерскую деятельность с нуля и совершенно самостоятельно, без какой-либо подготовленной базы и посторонней помощи. «Я даже не знала, с чего начинать! Здесь совершенно другая бухгалтерия! Здесь ни торговля, ни бюджетная организация. Ничего вообще близкого нет, ни циркулярных писем, ни инструкций никаких нет. Ничего! С чего начинать, как?! Я вот сама как-то. Как меня Господь вел, так я и начинала сама. Когда отчеты начала делать в епархию,

начала уже соображать. Я сначала выделила все счета, а потом начала их группировать, главную книгу заводить. Вот так осваивала новую для меня деятельность» (ж., 1948 г.р.).

Пожилые прихожане не только сами для себя осваивали новые виды деятельности, но и зачастую становились пионерами в организации или осуществлении того или иного вида приходской деятельности. Одним из позитивных эффектов религиозного участия представителей старшего поколения прихожан стало, по их мнению, пролонгирование профессиональной деятельности. К примеру, одна из пожилых прихожанок работала солисткой оперного театра и преподавала в консерватории, совмещала театральную и клиросную виды деятельности, но со временем оставила театр, продолжая петь на клиросе, стала преподавать в организованной при женском монастыре регентской школе, а затем в организованном при городском храме регентском училище. Пожилой прихожанин, основную часть своего жизненного и профессионального пути проработавший начальником лаборатории в КБ одного из ведущих промышленных предприятий города, впоследствии принимал активное участие в строительно-реставрационных работах. В интервью наши информанты, делясь своим опытом трудоустройства, который заканчивался неудачей («везде нужны молодые, а старики безнадежно отстали от жизни»), подчеркивают значимость продолжения своей социальной активности на данном возрастном этапе. При этом говорили об обретении духовной радости от того, что научились «пользоваться собой».

Разница в интенсивности религиозного участия, связанная с индивидуальными возможностями и предпочтениями, не предполагает альтернативного исключения «или-или», здесь есть выбор возможных комбинаций и замен. Оказалось, что включенность в заботливое сообщество и участие в разнообразных практиках является основанием, на котором возводятся конкретный опыт и переживание собственной старости. Эта включенность дает возможность пожилым прихожанам выйти из роли ненужного, забытого, больного человека и ощутить жизненный творческий потенциал. Интенция выхода за установленные, стереотипные пределы старости по своему содержанию амбивалентна, поскольку направлена одновременно и внутрь, и вовне: пожилой человек открывает границы своих возможностей. Причем, по мнению прихожан, реализация своих возможностей в солидаризирующих практиках осуществляется в «мягком режиме, нет необходимости приспосабливаться к современному темпу жизни, новым требованиям», каждый пожилой человек находит свою нишу, выбирает наиболее удобное ему расписание и вид деятельности. Если и возникают какие-либо трудности, препятствия, то они оцениваются пожилыми прихожанами как временные и преодолимые.

Заключение. По результатам исследования религиозное участие православных пожилых людей способствует формированию их повседневного событийного дискурса с определенными границами, центром и периферией, набором значимых оппозиций, системой означивания. Вариативность индивидуальных проекций участия связана прежде всего с социальным капиталом, умением ориентироваться в религиозной сфере. Усвоение религиозных ценностей приводит к их утвердительному использованию, формирует внутреннюю «ментальную» логику, влияющую на повседневные решения и поведение в направлении ощущения полноты жизни, личной и социальной значимости, безопасности в заботливом сообществе. Контрастирующий эффект участия пожилых прихожан заключается в смещении внимания от проблем, связанных со здоровьем, зависимостями, к проблемам мобилизации собственных ресурсов, к актуализации моральной чувствительности, определяющей способность пожилых прихожан воспользоваться существующими возможностями. Информанты позитивно оценивали свой опыт участия преимущественно не в прагматических, а морально-религиозных терминах. Усвоение смысловых религиозных структур позволяет транспонировать религиозные идеалы и ценности на анализ своих ошибочных действий, неправильных решений. Переосмыслив их в контексте религиозной целевой ориентации, человек приобретает душевное равновесие. Религиозные установки выполняют функцию арбитра в случае конфликта интересов, определяют смысловое поле повседневной жизни пожилых людей, обращенных в православие. Интернализированные религиозные ценности, соотнесенные с ситуациями, становятся побудителями активности пожилых людей, способами отношения к миру, содержащими понимание уместности

определенного образа действия. В модусе возможных действий они переключают регистры восприятия, затеняя одни проблемы и высвечивая другие. В определенном смысле происходит отмежевание от части мира, которая представляется недостижимой и незнакомой, не доступной для контроля и речевого контакта. И в тоже время интернализированные религиозные ценности раскрывают новый порядок значений, формируют внутреннюю смысловую среду действий, в которой маловероятна двусмысленность поступка, двусмысленность моральной оценки. Пожилые прихожане выстраивают перспективу на будущее, обретая жизненные ориентиры, в отличие от пожилой киногероини, которая на вопрос о своем будущем ответила: «В моем возрасте я даже зеленые бананы не покупаю» (Отель Мэригольд). Религиозное участие пожилые прихожане рассматривают как залог сохранения своей жизнеспособности, возможность ставить перед собой задачи, которые традиционно обозначаются как исчерпанные с наступлением старости – личной и профессиональной востребованности, мобильности, конструирования социального ландшафта. Пожилые прихожане отметили позитивные изменения не только в том, «что и как делать», но и личностные изменения. Для пожилых прихожан важным является позитивный эмоциональный настрой, так как он выступает индикатором внутренних трансформаций, а не реакцией на внешние жизненные обстоятельства. Религиозное участие пожилых прихожан является и способом заботы о себе, уменьшая чувство одиночества, наполняя смыслом их жизнь, помогая справиться с неблагоприятными жизненными проблемами, способствуя тем самым ощущению благополучия. Приобретение полезных навыков, общение, новые знакомства, ощущение своей значимости в ходе религиозного участия доступны пожилым людям с разным уровнем здоровья, финансовой обеспеченности вне господствующих в современном обществе парадигм – соперничества и результативности. Религиозное участие можно анализировать с точки зрения альтернативного опыта позитивного старения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бауман, З., Донскис Л. Текущее зло: жизнь в мире, где нет альтернатив / Науч. ред. М.А. Симакова. СПб.: Изд-во И. Лимбаха, 2019.
- Видясова Л.А., Григорьева И.А. Предметное поле исследований активного/отложенного старения: результаты наукометрического анализа и картирования // Вестник СПбГУ. Социология. 2023. Т. 16. № 1. С. 4–26.
- Евсеева Я.В. Успешное старение: история и современность // Успешное старение: социологические и социогеронтологические концепции / Под ред. М.А. Ядовой. М.: ИНИОН РАН, 2020. С. 15–29.
- Елютина М.Э. Концептуальная метафора старости // Журнал социологии и социальной антропологии. 2023. Т. 26. № 2. С. 231–248.
- Елютина М.Э. Социальная экзистенция старости: архив мнений. Саратов: Сарат. ун-т, 2017.
- Микляева А.В. Инфантилизация пожилых людей в повседневном взаимодействии: к постановке проблемы // Журнал исследований социальной политики. 2018. Т. 16. № 1. С. 109–124.
- Парфенова О.А., Галкин К.А. Социальная активность и участие пожилых россиян в контексте активного долголетия // Журнал социологии и социальной антропологии. 2023. Т. 26. № 1. С. 200–223.
- Рождественская Е., Маланина В., Клемашева Е. Предикторы инвестирования в капитал здоровья старшего поколения // Журнал исследований социальной политики. 2023. № 21(4). С. 647–660.
- Уфимцева Е.И. Процесс обращения в контексте православной религиозности // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Сер. Социология. Политология. 2022. № 3. С. 289–297.
- Bulow M.H., Soderqvist T. Successful ageing: A historical overview and critical analysis of a successful concept // Journal of Aging Studies. 2014. Vol. 31. P. 139–149.
- Edgell P, Gerteis J, Hartman D. Atheists as «Others»: Moral Boundaries and Cultural Affiliation in American Society // American Sociological Review. 2006. Vol. 71. P. 211–234.
- Edmondson R. Ageing, Insight and Wisdom: Meaning and Practice across the Life Course. Bristol: Policy Press and Chicago: University of Chicago Press, 2015.
- Galen J.W. Does religious faith promote prosociality? Critical analysis. Psychological Bulletin. 2012. Vol. 138. P. 876–906.
- Wahl H-W. Aging Success fully: Possible in Principle? Possible for all? Desirable for all? // Integrative Psychological and Behavioral Science. 2020. Vol. 54. P. 251–268.

PRACTICES OF RELIGIOUS PARTICIPATION IN THE CONTEXT OF POSITIVE AGEING PROJECT

ELYUTINA M.E.*, UFIMCEVA E.I.*

*Chernyshevsky Saratov National Research State University, Russia

Marina E. ELUTINA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Head of the Chair (elutina133@mail.ru); Ekaterina I. UFIMCEVA, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof. (ufim75@mail.ru). Both – Chair of Sociology of Social Work, Chernyshevsky Saratov National Research State University.

Abstract. The article discusses the religious participation practices in the context of the positive ageing project. It is shown that the formation of a positive old age project, adequate to the challenges of the time, is based on the analysis of diverse and inclusive experiences, not limited to ideas that boil down only to health, wealth and comfortable leisure. The experience of various social groups of the population is interesting and useful for producing a positive old age project. In this article, we combine ageing and the experience of religious participation, the analysis of which was carried out *via* in-depth interviews as part of a field study of the process of conversion to Orthodoxy. Based on interviews with elderly parishioners of the Russian Orthodox Church, the authors show how habitus (cognitive, emotional, motivating structures) functions with elderly people converted to Orthodoxy in different types of religious participation, reproducing and changing values, identities, inner experiences at the gerontological stage of their life path. The analysis of in-depth interviews with religiously converted people permitted to identify a variety of socio-religious solidarity practices, as well as to show positive effect of religious involvement for maintaining trust, participation, activity, and for “capitalizing hope” for a better outcome in difficult life situations at a late age.

Keywords: positive old age, practices of socio-religious solidarity, conversion to Orthodoxy, religious attitudes, practices of professional mobility in a religious environment.

REFERENCES

- Bauman Z., Donskins L. (2019) *Current Evil: Living in a World Without Alternatives*. St. Petersburg.: Izd-vo I. Limbaha. (In Russ.)
- Bulow M.H., Soderqvist T. (2014) Successful ageing: A historical overview and critical analysis of a successful concept. *Journal of Aging Studies*. Vol. 31: 139–149.
- Edmondson R. (2015) *Ageing, Insight and Wisdom: Meaning and Practice across the Life Course*. Bristol: Policy Press and Chicago: University of Chicago Press.
- Elyutina M.E. (2017) *Social existence of old age: archive of opinions*. Saratov: Sarat. un-t. (In Russ.)
- Elyutina M.E. (2023) The conceptual metaphor of old age. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 26. No. 2: 231–248. (In Russ.)
- Evseeva Ya.V. (2020) Successful aging: History and modernity. In: Yadova M.A. (ed.) *Successful aging: sociological and sociogerontological concepts*. Moscow: INION RAN: 15–29. (In Russ.)
- Miklyayeva A.V. (2028) Infantilization of the elderly in everyday interaction: towards a problem statement. *Zhurnal issledovaniy social'noj politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 16. No. 1: 109–124. (In Russ.)
- Parfenova O.A., Galkin K.A. (2023) Social activity and participation of older Russians in the context of active longevity. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 26. No. 1: 200–223. (In Russ.)
- Rozhdestvenskaya E., Malanina V., Klemashova E. (2018) Predictors of investing in the health capital of the older generation. *Zhurnal issledovaniy social'noj politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 16. No. 21(4): 109–124. (In Russ.)
- Ufimceva E.I. (2022) The process of conversion in the context of Orthodox religiosity. *Izvestiya Saratovskogo un-ta. Novaya seriya. Ser. Sociologiya. Politologiy* [Herald of Saratov University. Sociology. Politology]. No. 3: 289–297. (In Russ.)
- Vidyasova L.A., Grigorieva I.A. (2023) The subject field of active / delayed aging research: the results of scientometric analysis and mapping. *Vestnik SPbSU. Sociology* [Bulletin of St. Petersburg University. Sociology]. Vol. 16. No. 1: 4–26. (In Russ.)
- Wahl H-W. (2020) Aging Success fully: Possible in Principle? Possible for all? Desirable for all? *IntegrativePsychological and Behavioral Science*. Vol. 54: 251–268.

Received: 27.04.24. Final version: 03.06.24. Accepted: 14.06.24.